

II.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
 Въ крови невѣрныхъ окупался;
 Спраной полночной правилъ онъ.
 Уже Прусакъ въ оковы вдался,
 Или сокрылся, и въ Лишву
 Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
 Спруился Нѣменъ: на одномъ
 Еще надъ древними спѣнами
 Сіали башни, и кругомъ
 Шумѣли рощи вѣковыя,
 Духовъ приспанища святыя.
 Символъ Германца, на другомъ

Кресть вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящіи,
Казалось, свыше захватишь
Хотѣль всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачишь.

Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
Въ космашой рысѣй шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ спрѣль и съ вѣрнымъ лукомъ,
Липовцы юные, въ шолпахъ,
Со спороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На спражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пища́ль, съ молитвой, заряжалъ.

Всякъ переправу охранялъ:
 Токъ Нѣмена госпепріимной,
 Свидѣшель ихъ вражды взаимной,
 Спалъ прагомъ вѣчносши для нихъ;
 Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
 И всякъ, переспупившій воды,
 Лишенъ былъ жизни иль свободы.
 Лишь хмѣль Липовскихъ береговъ,
 Нѣмецкой шополью плѣненный,
 Черезъ рѣку, межъ просниковъ,
 Переправлялся дерзновенный,
 Бреговъ противныхъ доспигаль
 И друга нѣжно обнималъ.
 Лишь соловьи дубравъ и горъ
 Поспаринѣ вражды не знали,
 И въ осپровъ, общій съ давнихъ поръ,
 Другъ къ другу въ гости прилепали.